Сапог в руке Бакунина, Глава 1

Сапог в руке Бакунина предвещал дорогу дальнюю. Сибирь - большая тюрьма, дальше все равно не отправят, разве что на Аляску, поближе к полярному сиянию, или примерят царские сатрапы кандалы и каторгу Нерчинских рудников. Мишель решил. Сбросив домашние чуни, он теперь натягивал сапог на свою массивную ступню. Тучное тело потело от усердия. А милая Антоша хлопотала, собирая в дорогу любимому мужу сибирские шанежки с молотой черемухой.

Еще в Томске, когда она, семнадцатилетняя, прилежно выговаривала французские фразы под его пронизательным и отстраненным взглядом, ее плоть плавилась, как в лучах солнца, а в сердечке пела флейта неземную радость. Галантные манеры учителя быстро уступили перед любопытством и бесстыдной страстностью Антонины, раскрывающейся навстречу порыву её серебряно-кудрого фавна.

В юной головке жены пели жаворонки и обещания великого мужа сделать её счастливой, под синим бездонным небом Италии на берегу лазурного залива, где водопады бордовых розанов свисают с низеньких каменных оград, а в их чистеньком семейном гнездышке они среди доброжелательных великих друзей, Гарибальди и Костюшко. В дверях стояла загрустившая София, старшая сестра Тони, девица, жившая с Бакуниными одной семьей.

Мишелю так хотелось дать этим сапогом по морде государя-императора. Портрет краснощекого и сорокалетнего самодержца вынужденно висел вместо иконы в красном углу избы, он то точно переживает его бессрочную ссылку. Бакунину скоро пятьдесят, он зрелый мужчина, оставивший зубы в царских казематах. Он не собирается играть роль мечтателя-социалиста в кругу иркутских безусых разночинцев, исполнять их карьерные амбиции. Может самому надеть шинельку провинциального чиновника и кушать «без затей» простую водку, повальное увлечение «сибиряков». Служить деспотическому Отечеству - Мишеля одна только мысль об этом приводила в дрожь. Русский путь кондовых сибирских откупщиков, золотопромышленников и финансовых дельцов тоже не прельщал Бакунина, а другого дела кроме революционного, он не видел для себя. Они думают, что он опростился, опустил яйца глубоко в семейные портки.

В Сибири все архаично, по-сибирски «на века». Финансовые цепи не прощенного ссыльного со ста-пятьюдесятью рублями годового содержания не устраивали Бакунина, он был должен откупщику Бенардаки четыре с половиной тысяч рублей. Соглашаясь принять к себе на службу Михаила Бакунина, чернявенький Д.Е. Бенардаки полагал таким образом дать своеобразную взятку его родственнику, генерал-губернатору Восточной Сибири, графу Муравьеву-Амурскому. Сопоставив жизнь революционера Бакунина, за время тюрем и ссылки, с жизнью финансового магната Бенардаки, поражаемся энергией этих прямо противоположных людей. Бенардаки спекулировал хлебом и разжился; принял участие в откупках спиртом в Сибири, скупал земли, приобретал заводы, да так энергично, что в течение пятнадцати

лет он нажил состояние, которое давало ему полмиллиона рублей дохода. Он владел 620000 десятин земли и 10000 крепостных крестьян в центральной России.

В январе 1861 года для Бакунина окончательно выяснилось, что Н. Н. Муравьев в Сибири больше не остается. Будучи председателем Амурского акционерного общества, где служил Бакунин, аферист Бенардаки привел Амурское кумпанство к банкротству, скупив потом акции, принадлежавшие генерал-губернаторству, по десяти копеек. Бакунин был вынужден писать и просить братьев отдать его долг финансовому магнату векселями под свою долю наследства – это вбило последний гвоздь в его отношения с родной семьей Бакуниных.

Генерал-губернатор Восточной Сибири, всемогущий родственник и «посаженный отец» на его венчании с Антониной Квятковской, которого Бакунин пророчил в полемическом запале в демократические диктаторы отделившейся Сибири, сейчас в опале у придворной клики. А породнившийся с семьей Бакуниных, М.С. Корсаков, военный губернатор и наказной атаман Забайкальского казачьего войска, пришедший на смену Муравьеву, отказал ему в доме после доносов «декабриста» Д.Завалишина и «петрашевца» А. Розенталя в III Отделение: «Бакунин, этот сумасбродный гений, готовит революцию в Сибири».

Произошла скандальная размолвка со ссыльным кружком Петрашевского в Иркутске. Последовало нежелание братьев-либералов Бакуниных, героев Крымской компании, хлопотать перед начальником III Отделения В.А.Долгоруковым о восстановлении наследственных прав дворянина – и Мишелю было отказано в возвращении в имение Прямухино, на родину. В то время как даже сочувствующие жандармские генералы принимали живейшее участие в его судьбе, Бакунин узнал о самоотстранении близкого своего «друга» и издателя «Русского вестника» М.Н. Каткова, либерального «флюгера», сдвинувшего свои убеждения к оголтелой державности. И что можно было еще ждать от этого квадратноголового мещанина, сына мелкого чиновника и бедной грузинки.

Да и крестьянская революция, на которую надеялся и на которую работал пропагандист Бакунин, теперь, после отмены крепостного права, откладывалась на неопределенное время. Ржавая и неповоротливая Российская Империя, проигравшая бездарно Крымскую войну, скрипя, медленно сворачивала на путь капитализма.

Со старинными друзьями декабристами Бакунину не по пути, даже с теми, которые не захотели вернуться в Россию после смерти Николая I, ему с горечью и благоговением вспоминались разговоры с М.А. Бестужевым, М.К. Кюхельбекером, В.Ф. Раевским, И.И. Пушиным. Прочь сомнения, прочь гордое смирение аристократии, мятежных полковников, и туманные масонские грезы юности, что они пронесли, не запятнав и не разбавив горечью каторжных лет. Бакунин решил совершить бросок вокруг света, чтобы приобщиться к кипучей деятельности товарищей по борьбе, к Огареву и Герцену в Лондон, мировой столице буржуазного прогресса – там жизнь, там будущее мира и пролетарские рычаги его изменить.